

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ, ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

С. О. Чипашвили

«РАЗЛОМЫ» ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Данная статья написана с позиции цивилизационного подхода. Самюэль Хантингтон определял цивилизацию «как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей» [1, с. 34]. Исходя из подобного понимания термина «цивилизация», народы, населяющие Южный и Северный Кавказ, включая Дагестан, принадлежат к единой кавказской цивилизации.

Топоним «Дагестан» впервые употребляется в «Завещании Андуника» (1485). Однако дагестанский историк А. Е. Криштопа отмечает: «Гораздо раньше появилось представление о некоем историко-географическом целом, сложившемся между западным берегом Каспия и восточной частью Главного Кавказского хребта, с горным ядром по обе стороны Дербента <...> Образование этого историко-географического целого было, по видимому, итогом достаточно длительного предшествующего процесса интеграции горных земель Северо-Восточного Кавказа» [2, с. 6].

Являясь единым целым в историко-культурном смысле, Дагестан в силу своего географического положения подвергался интенсивному многовековому культурному, военному и политическому воздействию соседних цивилизаций (доисламской иран-

ской, арабо-мусульманской, евразийской), что не могло не отразиться на ментальности дагестанцев. Современные дагестанцы, сохраняя самобытную культуру, в то же время отличаются высокой восприимчивостью к новым веяниям и идеям, что, с одной стороны, делает их весьма адаптивными к изменяющимся условиям жизни, с другой — приводит к своеобразным «разломам» дагестанского общественного сознания.

Эти «разломы» прослеживаются с XIV–XV вв., когда в Дагестане исповедовались одновременно три монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам, не считая языческих культов. Исповедование автохтонными народами на сравнительно небольшой территории сразу нескольких религий и их течений, безусловно, указывает на разнонаправленность общественного сознания дагестанцев того времени.

Как считает А. Криштопа, «при разборе конфессиональной ситуации в Дагестане конца XIV–XV вв. заметно, что успехи каждой из монотеистических религий и их толков во многом базировались на поддержке извне, из соответствующей “религиозной” метрополии»: для православия это была Грузия, для католицизма — итальянские колонии Причерноморья, для григорианства — по-видимому, Щеки (и Мушкюр?), а для ислама — Передняя Азия (включая Восточное Закавказье) [2, с. 186]. В результате походов Тимура ислам занял в Дагестане господствующее положение и постепенно окончательно вытеснил христианство (XVI в.) [2, с. 186].

На протяжении последующих трех веков исламское мировоззрение стало господствующим в дагестанском общественном сознании, «разломы» существовали только внутри исламской общественной жизни. Так, присоединение Дагестана к Российской империи (1813) постепенно привело к возникновению в Дагестане нового, по сути, революционного исламского течения, получившего в отечественной историографии название «мюридизм». При этом дагестанское общественное сознание разделилось на сторонников «старого, традиционного ислама, исповедовавшегося предками», — Нурмагомеда Ободинского, Саида Араканского — и их единомышленников и «мюридов», последователей шейха Магомеда Ярагского.

Окончание Кавказской войны (1859) привело к оформлению нового «разлома» дагестанского общественного сознания по линии ориентации на антироссийскую происламскую позицию (мухаджирство, восстание 1877–1878 гг.) и пророссийскую позицию, ярким выразителем которой являлся известный журналист и военно-политический деятель, генерал Максуд Алиханов-Аварский.

В предреволюционный, революционный периоды и во время Гражданской войны картина еще более усложнилась. В Дагестане того времени сосуществовали сторонники как антироссийской позиции (Нажмутдин Гоцинский, правительство Горской республики), так и в той или иной степени пророссийской (дагестанские революционеры: Уллубий Буйнакский, Махач Дахадаев и др.; а также Алихаджи Акушинский и его последователи).

В 60–80-е гг. разлом общественного сознания проходил по линии ориентации на горский «традиционализм» и российско-европейскую культурную традицию.

Выражением этого своеобразного противостояния явилось появление в конце 70-х — начале 80-х гг. жаргонного слова «лех», обозначающего сельского жителя — хранителя дагестанских горских традиций. Этимология данного слова неясна, возможно, это производное от аварского обращения к мужчине «ле». Женская форма жаргонного слова «лех» — «лешка» — образована по правилам русской грамматики. Эти жаргонные слова до сих пор употребляются в Дагестане и в среде российской дагестанской диаспоры. Семантическое значение слов «лех» и «лешка» несколько видоизменилось, со временем приобретая новые смысловые оттенки: от простой констатации факта — «сельский житель — хранитель традиционной культуры» до обозначения маргинализованной личности, переставшей быть хранителем традиционной культуры, но не ставшей носителем городской российско-европейской культуры. В среде горожан-дагестанцев установилось некое презрительно-насмешливое отношение к людям, называемым словами «лех» и «лешка».

С середины 1990-х гг. по настоящее время «разлом» дагестанского общественного сознания оформился по линии ориентации дагестанцев на исламскую и европейскую культурные традиции,

при этом он не имеет четкой пространственной границы. «Исламистами» и «европейцами» становятся как сельские жители горных районов, так и потомственные (во втором и третьем поколениях) горожане.

Этот «разлом» стал следствием как глобализационных процессов, так и процесса «реисламизации» Дагестана, идущего с середины 90-х гг. Сегодня в медийном и общественном пространстве Дагестана понятия «дагестанская культура», «национальные традиции», «горцы», «адааты предков» вытеснены понятиями «исламская культура», «законы шариата», «мусульманская умма», «исламские традиции». Активная исламская пропаганда приводит к постепенной смене идентичности дагестанцев — с дагестанец-мусульманин на мусульманин-дагестанец, где идентичность «дагестанец» носит явно вторичный характер по сравнению с идентичностью «мусульманин». Следует отметить, что «реисламизация» Дагестана в последнее время все отчетливее приобретает фундаменталистский характер.

Внутри исламски ориентированного дагестанского общества также существуют «разломы». Мусульманская умма Дагестана четко делится на «традиционалистов», под которыми сегодня подразумеваются последователи суфистских тарикатов, и «новых мусульман» — ваххабитов, последователей салафитского течения в исламе.

«Светские» дагестанцы также неоднородны. Часть из них по-прежнему ориентирована на российско-европейскую культуру, другие проводят четкую границу между ними, считая российскую культуру суррогатом европейской. Однако и тех, и других объединяет однозначный приоритет светского образа жизни.

«Разлом» общественного сознания между религиозно и светски ориентированными дагестанцами выражается в различных нюансах поведения, одежде, речи и даже в названиях магазинов, кафе и т.д. При этом исламский и европейский стиль одежды может встречаться как в сельской местности, так и в городах.

Таково внешнее выражение внутреннего «разлома» дагестанского общественного сознания. Эти «разломы» далеко не всегда имеют безобидную форму, все чаще они приобретают признаки гражданского противостояния, крайняя степень которого —

усиливающаяся террористическая активность исламистских экстремистов по всему Дагестану. Российская власть, одерживая тактические победы над экстремистами, проигрывает им стратегически — в сфере идеологии, позволяя адептам исламского фундаментализма беспрепятственно внедрять в общественное сознание дагестанцев иные цивилизационные символы и ценности.

К сожалению, до сих пор российская научная общественность в большинстве своем воспринимает конфликт цивилизаций, описанный С. Хантингтоном как нечто абстрактное, не имеющее отношения к действительности. Между тем он уже стал реальностью в Дагестане и на всем Северном Кавказе, и его исход неизбежно будет иметь конкретные политические последствия.

Библиография

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 1994.
2. Криштопа А. Е. Дагестан в XIII — начале XV в. Очерк политической истории. М., 2007.

С. О. Чипашвили

КАВКАЗСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК МЕСТО СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

По С. Хантингтону, цивилизация — это культурная общность наивысшего ранга, самый широкий уровень культурной идентичности людей. «Цивилизации определяются наличием общих черт объективного порядка, таких, как язык, история, религия, обычаи, институты, а также субъективной идентификацией людей» [1, с. 34].

А. Тойнби трактовал термин «цивилизация» более расплывчато — как некий тип человеческих сообществ, вызывающий